

http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/nikitina_e_v_obwee_i_osobennoe_v_mentalitete_narodov_povolzha_i_priuralya/

Общее и особенное в менталитете народов Поволжья и Приуралья

Никитина Э. В.

В мире нет ни одного «чистого», не впитавшего множества инородных элементов, сохранившего некие имманентные свойства народа. Тем не менее, каждый этнос явно обладает специфическими качествами. Внешние отличительные особенности физического типа людей, т. е. расовые признаки (отличия цвета кожи, глаз, типа и цвета волос, черт лица, роста, формы черепа и т. д.), при непосредственных социальных контактах практически невозможно не заметить или скрыть.

Несравнимо больше, чем физический облик, на межэтнические взаимоотношения влияют внутренние, едва фиксируемые их носителями особенности, касающиеся сферы мышления и поведения этнических общностей. Речь идет не только о психическом складе, характере, самосознании и чувствах народа. Имеются в виду также восприятие народами себя и друг друга, процессы опосредованного и обобщенного отражения в сознании нации переживаемых событий, память, воображение и волевая активность представителей различных этносов, развитие талантов и дарований народа – всё то, что включает в себя понятие этнического менталитета.

При многих общечеловеческих качествах ментальность и поведение народов так же своеобразны, как неповторимы их исторические судьбы. Влияние различных факторов (в первую очередь природных и социальных) на формирование этноменталитетов признают исследователи разных

направлений социологии, психологии, истории. Психологи (Р. Андерсон, П. Шихирев) отмечают, что даже едва заметное различие географических, этнографических, культурных факторов дает разницу в менталитете этнических общностей (Андерсон, Шихирев, 1994: 27).

Народы Поволжья и Приуралья имеют значительное хозяйственное, культурное и национальное сходство, что обусловлено единой территориально-географической средой, однородными историческими, экономическими и социально-политическими условиями существования. Можно даже выделить наиболее общие национально-психологические особенности представителей башкирского, мордовского, марийского, татарского, удмуртского, чувашского этносов – такие качества, как неприхотливость и непритязательность в быту, повседневной и профессиональной деятельности, исполнительность и настойчивость во всех видах труда, активно выраженный коллективизм и толерантность (Крысько, 2002: 150). Тем не менее, близкие по генотипу, языку, культуре и общности исторического развития народы заметно разнятся по менталитету. Скажем, по складу характера, ментальности чуваша в целом заметно ближе к марийцам, удмуртам, башкирам, нежели татарам, калмыкам, ногайцам.

Обладая особой ментальностью поведения, представитель той или иной этнической общности предрасположен мыслить, чувствовать, действовать так, как ему диктуют национальные традиции, принятые нормы и правила этикета. Эти правила и нормы отличаются даже у близких соседей. Например, чуваша и удмурты – исторически народы-соседи, долгие века жили в одних условиях, в одном регионе. Однако многие черты менталитета у них не похожи, некоторые качества – прямо противоположны. Сравните: чувашский или марийский ритуалы жертвоприношения и чюки запрещают применение алкоголя, а удмурты не могут представить их без кумышки (самогонки).

Или другой пример: честь чувашской девушки дороже жизни, пьющая и гуляющая баба не считалась и не считается мало-мальски уважаемым членом

общества. Но вот что пишет о вотяках начала XIX в. в своих очерках немецкий путешественник И. Ф. Эрдман: «Целомудрие у них не есть добродетель, и родители охотно уступают своих дочерей для плотского удовольствия посторонним мужчинам, так как беременная легче находит мужа: она уже может считаться плодovитoю. Впрочем, у них допускается многоженство. Муж редко бранит свою жену и еще реже бьет. Если нечто подобное и случается, то на то смотрят как на нечто предосудительное. <...> Бабы и девки, когда сидят между мужчинами, пользуются почетом, пьют и напиваются допьяна» (Эрдман, 1998: 16). Видимо, на удмуртов, как и на камчадалов, в отличие от чувашей, влиял и влияет Север, т. е. условия и традиции малочисленных народов.

При изучении этноменталитета следует помнить, что ментальность не набор характеристик или доминирующих психологических черт личности, а система взаимосвязанных образов и представлений о мире и месте человека в нем, регулирующих мышление и поведение членов социальной группы. Системы стабильных представлений выявляются через отношения человека к миру и самому себе, характеризующиеся типичными реакциями. Обычно выделяются следующие группы коллективных представлений, определяющие содержание ментальности:

- хозяйство; природное и социальное окружение;
- семейная и сексуальная жизнь, любовь; отношение к женщинам;
- отношение к детям; старость; болезнь; телесность;
- религиозные верования, идеи о душе, смерти, спасении; страх;
- время; пространство; история (Стрельник, 2001: 193).

Подобный перечень нормативных отношений позволяет разносторонне рассмотреть любую этническую ментальность. Обозначим общие и особенные черты менталитетов народов Поволжья и Приуралья, затронув некоторые фрагменты их коллективных представлений о мире и себе, традиционных ценностей, устойчивых стереотипов этики, морали и поведения.

Начнем с того, что этапы исторического развития народов Поволжья и Приуралья, а также изменения ментальности, связанные с подавлением этнорелигий, христианизацией и исламизацией в прошлые века, оставили заметные следы в их духовной культуре. XVIII–XIX вв. в России прошли под флагом русификации инородцев. Царизм и церковь проводили русификаторскую политику, не вникая в духовные нужды инородцев, не признавая за ними права на сохранение родных языков. Миссионерская система образования и воспитания для нерусских народов Н. И. Ильминского хотя и сохраняла языки и культуры народов Поволжья, однако при этом на ментальном уровне приобщала инородцев к русско-европейской культуре и образу жизни. Дальновиден был русификатор Ильминский: «...не спешите насмехаться, как над логической несообразностью, над нашей системой – русить инородцев посредством их родных языков» (Ильминский, 1868: 88).

Несмотря на неблагоприятные события истории, для изучения менталитета и характера инородцев этого периода имеются различные письменные источники, так как в XVII в. к ним был проявлен научно-этнографический интерес. Основой для целенаправленного изучения малых народов огромной России стала ломоносовская концепция развития науки. Суть этой концепции заключалась в рекомендации исследовать почвы, растительный и животный мир, минеральное богатство, разнообразие ландшафтов, обычаи народов, населяющих Россию. Он разработал план комплексных экспедиций по различным районам страны. В 1768-1774 гг. состоялись так называемые академические экспедиции, с которых началось исследование центральных и южных областей страны, Поволжья, Приуралья, Сибири, Камчатки, Дальнего Востока, Курильских островов. Экспедиции возглавили И. И. Лепехин, С. Г. Гмелин, И. А. Гильденштадт, П.-С. Паллас и другие крупные ученые, посетившие Поволжье и Сибирь.

Этническое своеобразие выявлялось в сравнении быта и духовной культуры соседних народов. Авторы приводили множество примеров из жизни русского, башкирского, удмуртского, марийского, мордовского,

татарского народов. В менталитетах инородцев, естественно, выявлялось много общего, но и отличительное замечалось. К примеру, в перечне ментальных черт удмуртского этноса И. М. Вельм (см.: Вельм, 2002) выделяет пять сущностных качеств: 1) стремление к традиционным ценностям; 2) толерантность; 3) этнонигилизм; 4) общинность на уровне «мы»-психологии; 5) уход в себя. Первые четыре черты присущи и чувашам, но пятая – для чувашского народа не характерна. Чуваши никогда не были замкнутыми.

Сравним отношение к женщине у исповедующих ислам татар и башкир и православных чувашей. О бесправном положении женщины-татарки в семье и обществе, неразрывно связанном с сохранившимися патриархальными пережитками, слышаны многие. Как правило, с развитием капиталистических отношений положение женщин в традиционных татарских семьях становится еще более тяжелым. Во второй половине XIX в. в литературе довольно часто упоминалась продажа татарок приезжавшим сюда восточным купцам. Еще более укрепился взгляд на женщину как на объект семейной собственности. Калым являлся важнейшим элементом брачных соглашений. Женщину продавали и покупали при заключении брака, в случае смерти мужа как семейную собственность ее оставляли в наследство братьям мужа (Татары..., 1967: 24).

Считается, что отрицательную роль в этом сыграла мусульманская религия, веками проповедовавшая неравное положение женщины в семье, что всемерно поддерживалось господствующими сословиями татарского общества. С ранних лет девочка-татарка слышит о том, что надо быть покорной мужу, ибо повиновение ему равно повиновению богу, а мальчик знает, что ему предстоит быть господином над женой. Ислам всецело защищает права мужа.

Однако башкирская женщина пользовалась большой свободой, хотя бытует устоявшееся представление о приниженном положении всех женщин Востока. В массе своей браки башкир были моногамными, несмотря на

разрешенное Кораном многоженство, и именно в таких семьях отношения между полами строились на равноправии и на равных обязательствах (Рахматуллина, 2001: 82). Муж старался гуманно относиться к жене, детей почти никогда не наказывали, но существовал непререкаемый авторитет отца, воля которого была законом для всех.

Башкирка – это девушка-джигит, амазонка степей, которая скакала на лошади и стреляла из лука не хуже любого мужчины. Она самостоятельна в суждениях и поступках, в некоторой степени эмансипированна. Башкирка была другом и помощницей в суровой жизни кочевника-скотовода, ни перед кем не закрывала лица, нередко сама являлась инициатором развода, более половины башкирок дореволюционного времени знали грамоту. Пожилая женщина пользовалась всеобщим уважением, во многих случаях ее голос был решающим. По этим пунктам башкиры более похожи на не принявших ислам чувашей, нежели на татар.

По чувашской традиции отношение мужчин к женщинам было подчеркнуто почтительным и в семье, и на общенациональных мероприятиях. При совершении, например, общеродового моления «сара чуке» (моление с пивом) за передний стол с главой рода сажались именно женщины и им поручалось произнести главные молитвы Верховному Богу (Ман Тора) и предстоящим перед ним добрым силам, и только за ними вступали в действие мужчины. Это же заметил арабский путешественник и писатель Ахмед Ибн-Фадлан, путешествуя по Волге в 921–922 гг. После чтения дипломатического письма правителю булгар он «вынул подарки, состоявшие из благовоний, одежд, жемчуга для его жены, и я непрерывно возлагал на него и на неё одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облёк его жену в почётный халат в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай» (цит. по: Никитина, 2012: 166). Женщины у древних тюрков и булгар не были бесправными, хотя зависели от мужей. Обычаи охраняли женщин и были очень строгими и жестокими по отношению к нарушителям их прав: изнасилование замужней

женщины каралось смертью, соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней. Изнасилование считалось самым тяжким преступлением.

Роль жены и матери в современной чувашской семье высока неимоверно, как и прежде. Чувашки острее чувствуют ответственность за детей и семью, бесконечно терпеливы к финансовым и житейским трудностям, стараются выкарабкаться из беды любыми способами. В их поведении проявляются глубинные основы этнического менталитета.

Также башкиры достаточно резко отличаются от родственного им татарского народа недостаточным развитием в характере таких качеств, как прозорливость, расчетливость и гибкость в отношениях с людьми, необходимых для деятельности в сфере торговли (Рахматуллина, 2001: 119). Умение купли-продажи с выгодой для себя, что так высоко ценится у народов, занимающихся торговлей, не почиталось за особое достоинство в среде башкир. Они оценивали человека по совершенно другим меркам: в первую очередь, по широте души, щедрости, смелости и простоте. Суесться и торговаться из-за нескольких тенгэ не позволяла гордость башкира, это он воспринимал как унижение, оскорбление, мелкость души, и вообще ремесло торговца-лавочника не удостоивалось большого уважения и чести в башкирском обществе.

Этот факт свидетельствует о том, что даже у тех народов, которые жили в сходных природно-географических условиях, формирование этноменталитетов и накопление знаний происходило неодинаково из-за исторических особенностей жизни и различных культурно-экономических связей (Татары..., 1967: 312). Говоря конкретно о татарах Поволжья, надо отметить, что они и их ближайшие предки издавна жили на большой торговой дороге Восточной Европы и издревле были втянуты в оживленные экономические и культурные отношения с отдаленными странами Передней и Средней Азии, а позднее со своими западными соседями – русскими. Это, несомненно, приносило татарам много нового, обогащало их жизненный

опыт, увеличивало знания и влияло на осмысливание представлений об окружающей природе и обществе.

У народов Поволжья и Приуралья не наблюдается больших разногласий в вопросах воспитания детей, что объясняется единым крестьянским укладом жизни и быта семьи инородца. Воспитание детей в дореволюционной деревне осуществлялось в основном в семье и религиозной школе (при мечетях или церквях). Родители стремились воспитать детей, как хороших тружеников, с детского возраста помогающих родителям и способных самостоятельно выполнять все виды работ в поле и дома (там же: 265). То обстоятельство, что в основе воспитания детей лежал труд, определяло роль и распределение обязанностей между родителями в воспитательном процессе. С малых лет сыновья преимущественно находились рядом с отцом и другими старшими мужчинами в семье, приобщаясь к мужскому труду. Дочери в меру своих возможностей помогали матери и остальным родственницам. Это по существу и был основной метод воспитания в крестьянской семье. При этом в распределении работ между детьми совершенно отсутствовал какой-либо четко выраженный возрастной принцип, не в пример половому, который по возможности строго соблюдался.

Иностранные путешественники XVII–XVIII вв. благосклонны к инородцам, находили их приветливыми и пригожими. «Чуваши мягки, услужливы и послушны; они меньше ростом и хуже сложены, как черемисы, с широкими бледными лицами, темнокакими и узкими глазами, жидкими черными волосами и такою же бородкой... Женщины заплетают волосы в две длинные косы, причем заботливо укрывают их платком, девушки же не закрывают волос» (Август Гакстгаузен) (Гакстгаузен, 1870: 310–311). Однако их отзывы носят описательный, этнографический характер, без вникания в социально-политические и экономические проблемы.

С полным пониманием критического положения подневольных инородцев России, не принимая лозунгов официального шовинизма, писали А.

Н. Радищев, А. С. Пушкин, П. И. Пестель, А. И. Герцен, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Гарин-Михайловский, С. Т. Аксаков, П. И. Мельников-Печерский, А. А. Фукс, В. А. Сбоев и другие представители русской, немецкой, украинской, польской интеллигенции. «Отец доказывал моей матери, что она напрасно не любит чувашских деревень, что ни у кого нет таких просторных изб и таких широких нар, как у них, и что даже в их избах опрятнее, чем в мордовских и особенно русских; но мать возражала, что чувашаи сами очень неопрятны и гадки; против этого отец не спорил, но говорил, что они – предобрые и пречестные люди» (С. Т. Аксаков) (Чуваши..., 2001: 146).

Исследователь башкирского края В. М. Черемшанский во второй половине XIX в. писал: «...Дикий и необузданный, привыкший действовать самопроизвольно, не терпящий над собою никакой власти, одним словом – народ буйный и своевольный, в настоящее время представляет народ мирный, терпеливый и покорный, не имеющий уже того строптивого духа» (Черемшанский, 1859: 13).

С конца XVIII в., после подавления пугачевского бунта, менталитет и поведение малых народов сильно изменились. Выход из конфликтных ситуаций с властью предержащими подневольный инородец находил либо в прикидывании под дурачка, «ни бельмеса», либо в открытой вражде? Всё то доброе и сочувственное, что говорилось о малых народах до этого периода, меркло в могучем потоке пренебрежительно-унизительных докладов и доносов официальных лиц власти и духовенства имперской России. Почти во всех трудах даже признанных историков XIX в. проходит мысль о превосходстве славянских племен над инородцами. Николай Полевой, создавая шеститомную «Историю русского народа», писал: «В наше обозрение не войдут финские племена. Отставая далеко от славянских племен телесным сложением, будучи диче, беднее, малочисленнее их, они вскоре были оставлены варягами без внимания. Прозябая неподвижно на местах, ими издревле занимаемых, даже и ныне финны могут ли быть почтенным народом, входящим в состав гражданского нашего общества?»

Нимало: это волчцы и дикие травы, растущие по нивам, засеянным животворными, хлебными растениями... Донуны племена их живут в сих местах, под именем чухнов, черемисов, чуваш, мордвы...Обведем черту, образуемую народами финскими, и мы увидим в них, как будто волну моря, отхлынувшую с юга и застывшую в течение веков» (История..., 1830: 45).

Дикари, изгои, сорная трава – такое отношение имперских политиков вытравило из инородцев традиционную ментальность, живую мысль и слово, свободу действия и здоровье. «Настоящий клад для земской полиции эти вотяки, чуваша, мордва – народ жалкий, робкий. Исправники дают двойной окуп за назначение в уезды, населенные финно-уграми... Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими чувашами-бедняками...» (Герцен А. И. Былое и думы, 1835). Инородец в России до XX в. властью воспринимался как человек второго сорта и ставился на уровень тягловой скотины, которую можно продавать и перепродавать, поскольку крепостной человек не имел ни малейшего права и голоса.

«Бедность, дикость и робость чувашей симбирских зависят частью от условий местности, на которой судьба определила им проживать; частью же и от собственной их лени, которой также способствует природа... Природа Присурская столь богата рыбными озерами, сенокосам, пахотными землями, лесами и разными произведениями, что могла бы озолотить миллионы людей даже с посредственной предприимчивостью. Но сурский чувашин дары природы ставит ни во что, ленится да и только: он запасается всем на короткое время, а о будущем и ухом не ведает; ему и в голову не приходит, что пользуясь изобилием произведений природы, он мог бы зашибить лишнюю копейку на черный день...» – писал В. И. Лебедев в очерке «Симбирские чуваша» (Лебедев, 1850: 304–305).

Только ли в том причина, что чуваш «ленится да и только»? «Разумеется, что не все чуваша такие оригинальные лентяи: есть из них и зажиточные, которые держат пчельники, имеют мельницы и нанимают земли для обрабатывания, кроме своих; но это бывает очень редко, особенно в

деревнях прилесных, – продолжает этнограф. Докопаться до истинных причин он не сумел. – ... Оттого они и крайне робки в обращении с другими людьми, что тут перед глазами у них одни только дремучие леса, да любимые их животные – столь же трусливые козы» (там же: 306).

Бесспорно, географический фактор, включающий общность территории, природные ресурсы, экономико-географическое положение, природные и производственные комплексы и их компоненты и т. д., является одним из важнейших элементов, влияющим на формирование менталитета этнической группы. Природные условия территории влияют на жизнь народа, отражаясь в некоторых общих особенностях его хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Бедность земли и вековая нищета, естественно, отразились на самосознании инородцев.

Объективно складывавшиеся для всех народов Поволжья на протяжении столетий условия существования не давали оснований для довольства и безбедной жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли специфику их менталитета. «Минимум благ воспринимался благосклонно и с почтением. И если он не был достаточным для выражения восторга и радости, то по крайней мере не давал оснований роптать на судьбу и жаловаться на свою несчастливость» (Джидарьян, 2001: 35).

Однако гораздо сильнее на образ жизни и ментальность народа действует фактор социально-политический. Причина «бедности, дикости и робости чувашей» не только в территории, на которой они живут и работают («дремучие леса»), и не в трусливых козах и в психическом складе («чуваш ленится да и только»). «Наступает время платежа подушных и на земские повинности денег, тогда разоренный бедняк подвергается жестоким телесным наказаниям. Присланные из земского суда рассыльные бьют их без милосердия. Приведенный в отчаяние чувашин отдает себя и детей в кабалу из-за платежа только подушных денег» (из донесения и. д. начальника V округа, жандармского полковника Маслова шефу жандармов А. Х.

Бенкендорфу от 11 августа 1831 г.; ЦГАР, ф. III, отд. I, экспед., д. № 529 за 1831 г., лл. 21-40; цит. по материалам НА ЧГИГН, I, 533, инв. 5836-5901, л. 85). Маслов, которого долгие советские годы обвиняли в чувашененавистничестве, был честнее многих, когда свидетельствовал об ужасных лихоимствах священников, писарей, лесничих и прочего начальства по отношению к инородцам.

«Глядя на башкир, трудно себе представить, что это был когда-то многочисленный и сильный народ, которому принадлежала, за небольшим исключением, вся земля между Камой и Волгой до Самары, Оренбурга и Орска (тогда еще не существовавших) и на восток по Миасу, Исети, Тоболу и Иртышу до Оби», – писал Д. Г. Амиров (Амиров, 1922: 37).

Угнетенное настроение и подневольное положение народа сливается с национальным характером. В итоге, за восемь веков колониального рабства и официального чернословия сформировался новый образ мышления, новый инстинкт самосохранения – без максимализма, экстремизма, на основе постоянного, кропотливого, фанатичного созидания вместо разрушений неприятеля. Словом, сформировался менталитет инородца, почти единый для всей имперской России. С этой точки зрения показателен опыт на собаке психофизиолога М. Селигмена: под чередой ударов током плененное животное постепенно теряет желание вырваться из клетки, смиряется. Не лучше было положение «младшего брата» при «старшем брате» в СССР. Низкая самооценка инородца в чувашах и марийцах остается по сей день. Например, чуваша, потерявшие свою государственность в XIII в., религиозную самобытность и национальные имена в XVIII в., так и стоят на развилке истории, не сумев возродить Чувашстан. В республиках исламского направления (Татарстан и Башкортостан) в годы перестройки сложилось иное умонастроение.

XX в. внес много отрицательного в менталитет российских народов. Общественная реальность, политика государства ввели разрушающие новшества в традиционный ритм общественно-семейных и гендерных

отношений, обострили проблему отцов-детей. Изменились модели поведения супругов, молодежи, подростков, обновились модели самоохранительного поведения (типы адаптации). В настоящее время уже трудно определить наверняка, что преобладает в этнических семьях – традиционные устои или «телевизионный» стандарт. Остается открытым вопрос, возможно ли и нужно ли вообще сохранение этнического традиционализма и особенностей этнических менталитетов в будущем.

Список литературы:

Амиров, Д. Г. (1922) Башкиры. Стерлитамак.

Андерсон, Р., Шихирев П. (1994) «Акулы» и «дельфины»: психология и этика российско-американского делового партнерства. М.: «Дело ЛТД».

Вельм, И. М. (2002) Этнический менталитет удмуртов. Ижевск.

Гакстгаузен, А. (1870) Исследования внутренних отношений народной жизни и особенности сельских учреждений России. Т. 1. М.

Джидарьян, И. А. (2001) Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя.

Ильминский, Н. И. (1868) По делу образования инородцев. Письмо крестьянина села Ильмового Куста Буинского уезда Симб. губ. // Казанские губернские ведомости. 24 февраля. № 16. С. 87-88. НА ЧГИГН, ф. I, ед. хр. 533, с. 273-275.

История русского народа. Сочинения Николая Полевого. (1830) Т. I. 2-е изд. М.: Типография Августа Семена при Имп. Мед-хирург. Академии. С. 45, 62-63.

Кобзев, А. В. (2013) Татары и чувашаи на перекрестке вер: тюркоязычное исламо-христианское пограничье в Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX века: монография. Чебоксары: ЧГИГН.

Крысько, В. Г. (2002) Этническая психология. М.: Издательский центр «Академия».

Кузеев, Р. Г. (1993) Народы Среднего Поволжья и Приуралья (этногенетический взгляд на историю). М.

Лебедев, В. И. (1850) Симбирские чуваша // Журнал МВД. Ч. 30. Кн. 6 (июнь). С. 304-307. НА ЧГИГН, ф. III, ед. хр. 757, инв. № 5319.

Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки (1985). М.

Народы России: энциклопедия (1994). М.

Никитина, Э. В. (2012) Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та.

Никольский, Н. В. (2009) Этнографические альбомы. Народы Волго-Уралья // Никольский Н. В. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. С. 15-210.

Рахматуллина, З. Н. (2001) Особенности формирования и основные черты менталитета башкирского народа: дис. ... канд. филос. наук. Уфа.

Стрельник, О.Н. (2001) Внутренняя составляющая оснований цивилизации: ментальность // Основания цивилизации: философский анализ / отв. ред. В. М. Найдыш. М.: Изд-во «СигналЪ». С. 168–208.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья (1967) / отв. ред. Н. И. Воробьев и Г. М. Хисамутдинов. М.: Наука.

Черемшанский, В. М. (1859) Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа.

Чуваши в русской литературе и публицистике (2001): в 2 т. Т. I. / сост. Ф. Е. Уяр. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-тас.

Эрдман, И. Ф. (1998) Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Памятники Отечества. Полное описание России: Удмуртия. М. С. 14–17.

Ягафова, Е. А. (2002) Этническая история и культура народов Урало-Поволжья (мордва, марийцы, удмурты, чуваша, татары, башкиры): учеб.-методич. пособие. Самара: Изд-во СамГПУ.